

Алек Уокер всегда жёстко подталкивал Дэниела Линдберга, не позволяя ему отступить. Заставлял его поднимать голову, делая невозможным даже простое притворство.

Он считает своего собеседника раздражающим? Это взаимно.

— Если ты каждый раз будешь так «наступать», однажды ты просто умрёшь.

— От того, что наступают, не умирают. Умирают, если не наступают. Для меня это место именно такое.

— Такое место?

— Место, где нет никого на моей стороне.

— ...

— Начиная с тебя, разве не так?

После этих слов впервые на ледяном лице Алека Уокера появилась трещина.

— Ты давишь, словно вот-вот умрёшь, и приносишь трофей — и все сразу меняют отношение. Вчера я был мусором, который даже очков не набирал, а сегодня — пилот, который войдёт в историю. Это такая индустрия. Я не разочарован. Ты ведь знал это, правда?

— ...

— Так что прекрати уже придирааться и переживать. Не говори ничего настолько... несчастного.

— Почему у тебя нет никого на твоей стороне? Есть довольно много фанатов, которые поддерживают команду Onyx Featherway, пусть их и немного.

— Те дни новичка, когда я путал фанатов команды со «своей стороной», давно прошли. Может, ты перестанешь перебивать, когда я говорю?

Дэниел снова вспыхнул от злости из-за того, что ему приходится спорить со спонсором в такой хороший день.

Как и ожидалось, этот человек, вероятно, вовсе не хотел трофея.

Или, наоборот, он зол из-за того, что план восстановления команды, который он сам же и разработал, рушится? Поэтому он решил надавить другим способом?

«Он настолько отчаянно хочет меня убрать, что готов зайти так далеко?»

В горле будто застряла игла, которую он никогда не глотал. Дэниел резко сжал челюсть, и разочарование накрыло его волной.

— Вы уже решили снова зацепиться за тему спонсора? Если это вас так раздражает, есть хороший вариант. Почему бы вам не стать моим личным спонсором?

Дэниел вскинул подбородок, готовясь к неизбежной насмешке. Но в следующий момент мужчина, поставивший бокал, дал совершенно неожиданный ответ.

— ...Ладно.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что рассмотрю вариант спонсорства.

Шея Дэниела дёрнулась неестественно, словно крышка консервной банки, которую приподняли наполовину.

— Но ты, Дэниел, уверен, что справишься, если я стану твоим спонсором?

— ...Ха.

Сердце билось так, будто кто-то непрерывно колотил по груди барабанной палочкой, но выражение лица Алека оставалось безупречно гладким. Голос — мягким и элегантным, как звучание арфы.

Он шутит?

— ...Не шутите в такой момент.

— Я не шучу.

— Разве ты не говорил, что я тебе мешаю?

— Да. Ты мне мешаешь. Но разве есть правило, по которому тот, кто считает Дэниела раздражающим, не может быть его спонсором?

— ...

Какой же у него замечательный спонсор. Настолько устал от споров, что в него уже летят противоречивые слова одно за другим.

Это был человек, который сам говорил, что ненавидит тратить время. И почему он вдруг меняет своё отношение, словно переворачивает ладонь?

Дэниел прижал пальцы к виску и тихо застонал. В любом случае, сколько ни думай, понять его всё равно не получится.

Если это схватка, где проигрывает тот, кто отчаяннее, то сражение с Алеком Уокером вообще не имеет смысла.

Растерянность от сомнений в противнике, тревожное чувство: «А вдруг он говорит серьёзно?». И при этом — необходимость иметь дело с ним, удерживая хотя бы крошечную тень опасения быть просто игрушкой, в то время как человек напротив расслаблен так, словно держит в руках все дела мира и просто играет в кости.

— Ты, Дэниел, как думаешь, что спонсор может заставить тебя делать, раз ты выдвигаешь такие условия? Ты готов предложить своё тело?

— ...!

От этих слов лицо Дэниела мгновенно побледнело.

— Спонсорство не означает это. Ты что, извращенец?

— Не говори ерунды.

Алек отрицал это на одном дыхании, но у Дэниела было иное мнение.

Разве обязательно иметь странные сексуальные отклонения, чтобы быть извращенцем?

Склонность тыкать в чью-то уязвимость пинцетом, а затем надавливать на неё — тоже вполне достаточное качество для извращенца.

Лицо Алека, до этого расслабленное, словно он наблюдает за шоу талантов, слегка исказилось. Возможно, он сам не осознавал, но слово «извращенец» вряд ли было ему приятно.

— Кто включает в партнёрство на сотни тысяч долларов только официальные вопросы? Ты ведь не думал, что при поиске личного спонсора не будет подобных намерений?

— Я не думал и не думаю. Я что, похож на сумасшедшего, который готов терпеть домогательства?

— Не похож. Поэтому я и удивился. Ты не выглядишь как человек, у которого есть желание развлекаться в постели, вот мне и интересно, о чём ты вообще думаешь.

— Я хочу продавать свои навыки, а не тело. У меня нет намерения ни делать, ни принимать подобные отвратительные предложения. Если ты ищешь такого партнёра, ты ошибся человеком.

— Я думал, ты просто не знаешь, как устроен мир, но у тебя, похоже, есть и наивная сторона.

— Думать можешь сколько угодно, но следи за тем, что говоришь.

Дэниел впился взглядом в лицо, на котором читалась недоброжелательность.

Это был не тот человек, который будет доброжелательно объяснять, шутит он или нет и какие у него могут быть скрытые мотивы. Брови Дэниела сами собой сошлись сильнее.

— О чём ты думаешь?

— Если нужен ответ, скажу: потому что у меня много денег. Или можно сказать, что я заинтересовался после того, как посмотрел гонку вживую. Ещё можно добавить, что я увидел в тебе потенциал, Дэниел. Обычно спонсоры называют именно такие причины. Этого достаточно?

— Говорить об этом как о шутке...

— В чём ты сомневаешься? Какой бы я ни был, это не отменяет того факта, что для тебя это возможность, Дэниел. Если считаешь, что не справишься, лучше признай, что это была оговорка, и откажись от своих слов. Тогда я тоже восприму это как дешёвую провокацию и просто забуду.

Отступить он не мог.

К сожалению, слова противника не были ложью. Будь то простая прихоть или пьяная выходка, такой спонсор, как Алек Уокер, — слишком большая удача. Если он упустит её, потом будет жалеть до боли.

Но можно ли доверять? Это ведь не кто-то посторонний, а «ядовитый гриб», который бросается такими словами?

— Дэниел. Твой ответ?

— ...Я уже говорил. Я доверяю только обещаниям на бумаге.

— Хочешь, чтобы я написал расписку?

— Как я могу доверять расписке, написанной пьяным человеком в состоянии ограниченной дееспособности? Если ты серьёзен — предоставь залог.

— Залог?

В ответ прозвучало так, словно он услышал самую странную вещь в мире.

Сначала это был смешок, затем, обдумав сказанное, лицо Алека Уокера озарилось недоверием и смехом — совсем иного оттенка, чем его прежняя сдержанная холодность. Словно он из музейной статуи, на которую можно только смотреть, внезапно превратился в живого человека.

Алек, усмехнувшись так, будто чем больше он думал, тем абсурднее это казалось, внезапно поднялся со своего места.

Дэниел думал, что тот сейчас резко выйдет из комнаты, но вместо этого Алек вернулся с бутылкой виски и новым бокалом в руках. Поставив их перед Дэниелом, он вдруг снял с левой руки наручные часы и бросил их ему.

— Возьми.

Дэниел, поймав их почти инстинктивно, сразу понял, что это.

Первая встреча, потом повторная — в паддоке — и сегодняшний день. Все три раза, когда они сталкивались, на Алеке Уокере была разная одежда, от костюма до кроссовок, но часы всегда оставались одни и те же.

Гладкий тяжёлый серебряный браслет и прозрачное стекло. Автоматический механизм, чётко движущийся в прорези, напоминающей песочные часы, демонстрировал тщательную сборку — вплоть до каждого сцепленного зубца шестерёнки. Классический дизайн, усыпанный сапфирами и бриллиантами, с первого взгляда выдавал в них отнюдь не обычную вещь.

— Этого будет достаточно.

— ...Сколько стоят эти часы?

— Не знаю. Это был подарок.

Алек Уокер, которому кто-то дарит такие вещи, и он спокойно их носит?

Дэниела охватил ужас. Не говоря уже о цене, которая была запредельной даже без уточнений — если он хотя бы оставит на них царапину, было ясно, что его будут преследовать за это до самой смерти.

— Это важная вещь, так что следи, чтобы не поцарапать. Если потеряешь — я покажу тебе, как

можно вытащить позвоночник, разрезав его пополам.

— Погоди, мне не нужно это видеть... Что, что ты делаешь?!

Это произошло в одно мгновение. Алек Уокер схватил Дэниела за левую руку и застегнул на ней часы, которые тот пытался вернуть, словно наручники.

Ужас вспыхнул в глазах Дэниела, но на этом странное поведение Алека не закончилось.

Алек схватил его за воротник и прижал к дивану. Затем он наклонился, будто собирался наброситься, и прижался губами к участку над ключицей Дэниела.

— ...!

Ощущение было таким, словно его прикусывает зверь. Зубы сдавили кожу, а кончик влажного языка коснулся мягкой плоти. Горячее дыхание скользнуло между сухих губ. По телу пробежали мурашки от этого непривычного, никогда ранее не испытанного чувства.

— Даже если тебя подвергнуть этому...

— Погоди...!

— Спонсорство и личное покровительство — вещи, в которых тебе нечего сказать. Теперь стало немного понятнее, о чём ты сам говорил?

Отчётливый след поцелуя был похож на клеймо. Он не только покраснел и припух, но и сохранил отпечаток зубов.

Всё тело Дэниела задрожало, будто от холода. Невольно вырвались проклятия. Жар поднимался так, словно все нервные окончания сосредоточились в затылке.

— Убери руки, пока я тебя не пнул!

— «Не говори ерунды», «предоставь залог». Ты строил из себя жёсткого, но на самом деле именно ты, Дэниел, не готов принять решение.

— ...

— И при этом ты думаешь, что сможешь связаться со мной и уйти без последствий?

Он выглядел слишком легкомысленным.

В низком голосе прозвучал едва уловимый гнев.

Алек Уокер, удерживающий Дэниела за руку, сейчас казался совсем другим человеком по сравнению с тем, каким он был мгновение назад. Куда делась его безупречная элегантность — теперь на висок спадала выбившаяся светлая прядь. Он выглядел так, будто никогда в жизни не дрался, но в нём было достаточно силы, чтобы удерживать человека.

Это было предупреждение. Ход Алека Уокера, показывающий, что нужно быть готовым, если решаешь перейти черту. При взгляде на него — прижимающего к себе с холодным, почти хищным блеском в глазах — во рту пересохло.

Напряжённый, словно перекачанный шар, он казался готовым лопнуть от любого

неосторожного касания. Давление было таким сильным, что перехватывало дыхание.

Мог ли он хотя бы пять минут назад представить себе такую ситуацию?

<http://bllate.org/book/17841/1719119>